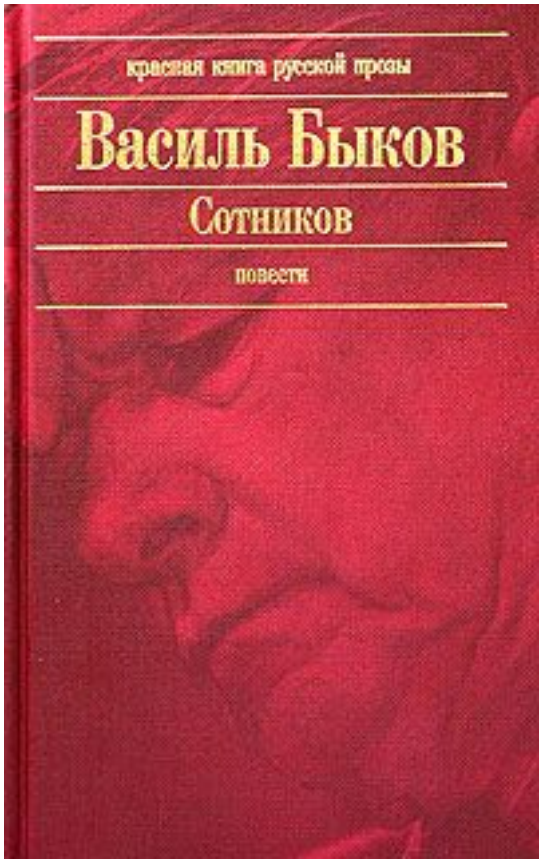
красная книга русской прозы
Василь Быков
Сотников
повести

Василий Владимирович Быков
Его батальон

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=131686
Быков В.В. Сотников: Эксмо; Москва; 2004
ISBN 5-699-08306-5

Аннотация

Повесть Василя Быкова «Его батальон» заканчивается словами: «Война продолжалась». Взятие высоты, описываемое автором – лишь один из эпизодов войны, которых комбату Волошину предстоит пережить немало и, может быть, погибнуть в одном из них. Но, как бы ни было тяжело на фронте, всегда надо оставаться человеком: «И чем значительнее в человеке истинно человеческое, тем важнее для него своя собственная жизнь и жизнь окружающих его людей».

Содержание

Глава первая 4
Глава вторая 9
Глава третья 19
Глава четвертая 25
Глава пятая 29
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Василь Быков
Его батальон

Глава первая

Траншея была неглубокая, сухая и пыльная – наспех отрытая за ночь в едва оттаявшем от зимних морозов, но уже хорошо просохшем пригорке. Чтобы чересчур не высовываться из нее, Волошин привычно склонялся грудью на бруствер, пошире расставив локти. Однако долго стоять так при его высоком росте было утомительно; меняя позу, комбат неловко повернул локоть, и ком мерзлой земли с глухим стуком упал на дно. Тотчас в траншее послышался обиженный собачий визг, и на осыпавшуюся бровку мягко легли две широкие когтистые лапы.

– Джим, лежать!

Не отрывая от глаз бинокль, Волошин повернул пальцами окуляры – сначала в одну, а затем и в другую сторону, отыскивая наилучшую резкость, но видимости по-прежнему почти не было.

Голые, недавно вытаявшие из-под снега склоны высоты, с длинной полосой осенней вспашки, извилистым шрамом траншеи на самой вершине, несколькими свежими пятнами минных разрывов; и даже чахлый кустарник внизу – все застилал сумрак быстро надвигавшейся ночи.

– Ну что ж, все ясно!

Он опустил подвешенный на груди бинокль и расслабленно откинулся к задней стенке траншеи. Дежурный разведчик, наблюдавший из соседней ячейки, зябко передернул плечами под серой замызганной телогрейкой:

– Укрепляется, гад!

Противник укреплялся, это было очевидно, и комбат с сожалением подумал, что вчера они допустили ошибку, не атаковав с ходу эту высоту. Тогда еще были некоторые шансы захватить ее, не вчера подвела артиллерия. У поддерживающей батареи остался всего с десяток снарядов, необходимых на самый критический случай; соседний батальон ввязался в затяжной бой за совхоз «Пионер», раскинувшийся на той стороне речки, и когда Волошин спросил относительно этой малозаметной, но, по-видимому, немаловажной высоты у командира полка, тот ничего не ответил. Впрочем, оно было и понятно: наступление выдыхалось, задачу свою полк кое-как выполнил, а дальше, наверно, еще не было определенного плана и у штаба дивизии. И все-таки высоту надо было взять. Правда, для этого одного потрепанного в трехнедельных боях батальона было недостаточно, но вчера на ее голой крутоватой вершине еще не была отрыта траншея, а главное – правый фланговый склон над болотом, кажется, не был еще занят немцами. Заняли они его утром и весь день, не обращая внимания на пулеметный обстрел, по всей высоте копали. Отсюда было хорошо видно, как там мелькала над брустверами черная россыпь земли; под вечер из совхоза подошло несколько грузовых машин, и немецкие саперы до ночи таскали по траншее бревна и оборудовали блиндажи и окопы. Ночью, пожалуй, заминируют и пологие, вытянувшиеся до самого болота склоны.

Вокруг быстро темнело, над голым мартовским пространством все гуще растекались холодные сумерки, в которых тускло серели пятна еще не растаявшего снега во впадинах, ровках, под взмежками, на заросшем жидким кустарником болоте. Было холодно. С востока дул порывистый морозный ветер, с ним на пригорок НП долетал запах дыма, напомнивший комбату о его убежище – землянке, куда он ни разу за день не зашел. Джим, будто поняв наме-

рение хозяина, поднялся, шагов пять пробежал по траншее и вопросительно глянул серьезными, немножко печальными глазами.

– Так. Прыгунов, наблюдайте. И слушайте тоже. Если что – сразу докладывайте.

– Есть, товарищ комбат.

– Только не вздумайте курить.

– Некурящий я.

– Тем лучше. На ужин подменят.

Обдирая стены узкой траншеи палаткой, наброшенной поверх шинели, комбат быстро пошел вниз к землянке, все настойчивее соблазнявшей относительным теплом, покоем, котелком горячего супа. Впрочем, сооруженная за одну ночь землянка получилась не бог весть какая – временное полевое пристанище на день-два, вместо бревен крытая жердками и соломой с тонким слоем земли наверху. Двери тут вообще никакой не было, просто на входе висела чья-то палатка, приподняв которую комбат сразу очутился возле главной радости этого убежища – переделанной из молочного бидона, хорошо уже натопленной печки.

– О, блаженство! – не удержался он, протягивая к теплу настывшие руки. – Как в Сочи! Что улыбаетесь, Черноручeнко? Вы были в Сочи?

– Не был, товарищ комбат.

– То-то!

Немолодой, медлительный в движениях и молчаливый телефонист Черноручeнко, защемив между плечом и ухом телефонную трубку, заталкивал в печку хворост и все улыбался, наверно, имея в виду что-то веселое. Комбат машинально перевел взгляд на других, кто был в землянке, но и те тоже заговорщически улыбались: и ординарец комбата Гутман, который, стоя на коленях, в стеганых брюках, сучил в зубах длинную нитку, и разведчик, что, опершись на локоть, лежал на соломе и дымил самокруткой. Один только начштаба лейтенант Маркин в наброшенном на плечи полушубке сосредоточенно возился со своими бумагами в тусклом свете стоящего на ящике карбидного фонаря. Но Маркин вообще никогда не улыбался, ничему не радовался, сколько его знал комбат, всегда был такой – отчужденный от прочих, погруженный в самого себя.

– Что случилось?

Капитан задал этот вопрос, несколько даже заинтригованный всеобщим молчанием, и Черноручeнко, неуклюже выпрямившись, переступил с ноги на ногу. Однако первым заговорил Гутман:

– Сюрприз для вас, товарищ комбат.

Сюрпризов на фронте хватало, они сыпались тут ежечасно, один неожиданнее другого, но теперь Волошин почувствовал, что этот, пожалуй, был не из худших. Иначе бы они так не улыбались.

– Что еще за сюрприз?

– Пусть Черноручeнко скажет. Он лучше знает.

Неуклюжий и длиннорукий Черноручeнко, смущенно улыбаясь, взглянул на Гутмана, потом на лейтенанта Маркина, не решаясь начать первым. Маркин коротко ободрил бойца:

– Ну говори, говори.

– Орден вам, товарищ комбат. Из штаба звонили.

Волошин и сам уже начал догадываться и теперь понял все сразу. Не сказав ни слова, он перешагнул через длинные ноги разведчика, сбросил с себя плащ-палатку и сел подле ящика начальника штаба. Джим с почтительной важностью воспитанного пса опустился на задние лапы рядом.

Волошин молчал. На секунду в его душе мелькнуло радостное и в то же время неизвестно почему немного неловкое чувство. Орден – это хорошо, но почему только ему? А другим? Между тем все происходило, наверно, как и должно было происходить на войне, –

месяца два назад послали бумаги с представлением его к ордену Красного Знамени, он знал об этом и какое-то время даже ждал ордена. Но потом началось наступление, трудные, затяжные бои за высотки, деревни и хутора, и он не очень уж и надеялся, что награда застанет его в живых. И вот, выходит, застала, значит, еще суждено сколько придется поносить на груди и этот боевой орден. Что ж, в общем он был доволен, хотя внешне ничем и не выразил своего удовлетворения.

– Так что поздравляем, товарищ капитан! – сказал Гутман. – Вот тут я и обмывочку расстарался.

Он выхватил откуда-то алюминиевую фляжку и встряхнул ее. Во фляге булькнуло. Волошин смущенно поморщился:

– Пока спрячь, Лева. Обмывочка не проблема.

– Ого! Не проблема! Да я ее едва у старшины второго батальона выцыганил. Самая проблема! Вон лейтенант весь вечер на нее поглядывает.

– Глупости вы городите, Гутман, – серьезно заметил Маркин.

– Вот лейтенанту и отдай, – спокойно сказал комбат. – А мне лучше портянки сухие поищи.

– Ай-яй! Портянки – такое дело!

Он вытащил из-под соломы туго набитый вещевой мешок и ловко развязал его:

– Вот сухонькие.

– Спасибо.

– И снимите шинель – пуговицу в петлицу вошью. А то уже третий день обещаете.

– Только чтоб одинаково было: на правой и на левой.

– Будет в аккурат. Не сомневайтесь.

Он не сомневался. Гутман был испытанный мастер на все возможные и невозможные дела – все у него получалось удивительно легко и просто. Комбат привычно расстегнул командирский ремень, скинул с плеч двойную портупею, кобуру с Т Т, снял свою комсоставскую, некогда шитую на заказ, но уже основательно потрепанную и побитую осколками шинель. Гутман широким портняжным жестом раскинул ее на коленях.

– И кто придумал эти пуговицы в петлицы? Ни склад у, ни ладу.

– Тебя не спросили, Гутман, – буркнул Маркин. – Придумали, значит, так надо было.

– А по мне, так лучше кубари. Как прежде.

Комбат с наслаждением вытянул на соломе отекшие за день ноги и, рассеянно слушая разговор подчиненных, достал из брючного кармашка часы – плоские, с тоненькими стрелками и удивительно точным ходом. Он положил часы на край ящика, чтобы видеть их светящийся циферблат, и начал свертывать самокрутку.

Первая волнующая радость постепенно уходила, вытесняемая насущными заботами дня, он смотрел на часы и думал, что скоро надо будет звонить на полковой КП, докладывать обстановку. Как почти и всегда, эти минуты были до отвращения неприятны ему и портили настроение до и после доклада. Сколько уже времени, как полком стал командовать майор Гунько, а комбат-три Волошин все еще не мог привыкнуть к его начальническим манерам, которые нередко раздражали, а то и злили его.

– Из полка звонили?

Маркин оторвался от бумаг, вспоминая, моргнул – его лицо с густоватой щетиной на щеках при скупом свете карбидки выглядело почти черным.

– Звонили. Будет пополнение.

– Много?

– Неизвестно. В двадцать два ноль-ноль приказано выслать представителя от батальона.

Лейтенант озабоченно посмотрел на часы – малая стрелка приближалась к восьми. Комбат откинулся к стене землянки и затянулся самокруткой. Стена ничуть не прогрелась и даже сквозь меховой овчинный жилет чувствительно холодила спину.

– Про высоту шестьдесят пять не спрашивали?

– Нет, не спрашивали. А что, все копают?

– Дзоты строят. Как бы завтра не того... Не пришлось брать.

– Да ну! – усомнился Маркин. – Семьдесят шесть человек на довольствии.

Эта названная Маркиным цифра, хотя и не была неожиданностью для комбата, остро задела его сознание – всего семьдесят шесть! Совсем недавно еще было почти на сто человек больше, а теперь вот осталось менее половины батальона. Сколько же останется через неделю? А через месяц, к лету? Но он только подумал так, усилием подавил неприятную мысль и вслух сказал о другом:

– Через день-два будет хуже. Укрепятся.

Лейтенант бросил беглый взгляд на выход, прислушался и тихо заметил:

– А может, не докладывать? Молчат, и мы промолчим.

– Нет уж, спасибо, – сказал комбат. – Будем докладывать как есть.

– Ну что ж, можно и так.

Гутман старательно пришивал пуговицу, Черноручeнко хозяйничал возле печки, разведчик, натянув на голову бушлат, старался заснуть перед дежурством. Маркин с помощью карандаша и шомпола разлиновывал в тетрадке графы «формы 2-УР» – для записи предстоящего пополнения. Комбат рассеянно смотрел, как однобоко тлеет бумага на конце его самокрутки, и думал, что война, к сожалению или к счастью, не дает ни малейшей свободы в том выборе, который имеет в виду лейтенант Маркин.

Среди всех возможностей, которые предоставляет ситуация, на войне чаще выпадает самая худшая, плата за которую почти всегда – солдатские жизни. Трудно бывает с ней согласиться, но и поиски путей в обход обычно приводят не только к конфликту с совестью, но и кое к чему похуже. Командира это касается куда в большей мере, чем рядового бойца, тут следует быть очень строгим в отношении к самому себе, чтобы потом требовать того же и с подчиненных.

– Можно так, можно и этак? А, товарищ Маркин? – вдруг переспросил комбат. Лейтенант, что-то уловив в голосе комбата, смущенно повел плечами:

– Да я ничего. Не мое дело. Вы командир батальона, вам и докладывать. Я просто предложил.

– Из каждого положения есть три выхода, – поднял от шитья голову Гутман. – Еще Хаймович сказал...

– Помолчите, Гутман, – сказал комбат. – Не имейте такой привычки.

– Виноват!

Комбат минуту молчал, а затем тихо спросил, вроде бы между прочим:

– Вы, Маркин, в окружении долго были?

– Два месяца восемнадцать суток. А что?

– Так просто. В прошлом году я тоже вскочил. Почти на месяц.

– Так вы же с частью вышли, – не удержавшись, вставил свое Гутман.

Комбат посмотрел на него твердым продолжительным взглядом.

– Да, я с частью, – наконец сказал он. – В этом мне повезло. Хотя от полка осталось сорок семь человек, но было знамя, был сейф с партдокументами. Это и выручило. Когда вышли, разумеется.

Маркин положил на ящик карандаш и шомпол, дернул на плече полушубок. Глаза его возбужденно заблестели на вдруг оживившемся лице.

– А у нас ничего не осталось. Ни знамени, ни сейфа. Горстка бойцов, десяток командиров. Половина раненые. Кругом немцы. Комиссар застрелился. Командира полка тиф доконал. Собрали последнее совещание, решили выходить мелкими группами. Пошли, напоролись на немцев. Неделю гоняли по лесу. Кору ели. Наконец вырвались – двенадцать человек. Смотрим, что-то больно уж тощие тут фронтовички. И курева нет. Едят конину. Слово за слово – выясняется, так и они же в окружении. Вот и попали из огня да в полымя. Еще припухали месяц.

– Это где?

– Под Нелидовом, где же. В тридцать девятой армии.

– Да, там невеселые были дела. Как раз в конце лета к нам пробивались. Убитого командарма вынесли, хоронили в Калинине.

– Ну. Генерал-лейтенант Богданов. Геройский мужик. А что он мог сделать? В прорыв сам на пулеметы вел и погиб.

– Тридцать девятой хватило. Двадцать девятой тоже.

– А тридцать третьей? А конникам Белова и Соколова?

– Тех совсем немного осталось, – согласился комбат.

– Неудачник я! – вдруг сказал Маркин, и Гутман с Черноручeнко настороженно подняли головы. – Что пережил, врагу не пожелаю. В резерве встречаю товарища, вместе выпускались. Два ордена, шпала в петлице. А я все лейтенант.

Комбат оперся локтем на ящик и искоса посмотрел на притихших бойцов:

– Напрасно вы так считаете, Маркин. До Берлина еще длинный путь.

– А! – махнул рукой Маркин и снова взялся за шомпол. – Много ли их тут линеить? Знать бы хотя, сколько дадут. А то налинеишь, а толку из того? Товарищ комбат, – поднял он лицо к Волошину, – из пополнения надо писаря подобрать. А то сколько можно?

– А вы вон Гутмана обучите. По совместительству. Или Черноручeнку.

Телефонист смущенно заворошился возле аппарата, а Гутман почти обиделся:

– Ну, скажете, товарищ комбат! Я работу люблю. А это...

– А это что – не работа? – зло сказал Маркин. – Вот посиди день над бумажками, так весь свет с овчинку покажется.

– Не люблю.

– Ну конечно. Куда веселее по полям бегать. Трофейчики и так дальше...

– Ладно, Гутман, кончай шитье. А то уже спина заколела, – остановил спор комбат.

– А вы – мой полушубок.

– Нет уж, спасибо. В твоем полушубке, наверно, того... Диверсанты бегают.

– Немного, товарищ комбат. Куда же от них денешься? Ну вот и все. Пожалуйста!

– Давай. Посмотрим, какой ты портняжных дел мастер.

Комбат взял из рук ординарца шинель и надел ее. Потом привычными точными движениями набросил на плечи портупею, застегнул ремень, сдвинул на место кобуру.

– Ну вот, петлички теперь в аккурат! Ну что же, спасибо, – сказал он. – Черноручeнко, вызывайте десятого «Волги». Поговорим с начальством.

Глава вторая

Но поговорить с начальством в этот раз не удалось.

Не успел телефонист повернуть ручку своего желто-кожаного американского аппарата, как где-то наверху с нарастанием завизжало, донеслось несколько слабых минометных выстрелов, и тотчас близкие разрывы встряхнули землю. На солому, на печку с потолка сыпануло землей, огонек в фонаре вздрогнул, заколебав по стенам горбатые тени. Маркин ниже пригнулся над своими бумагами, Гутман схватил автомат и полушубок. Карбидный огонек в фонаре еще не успокоился, как завизжало снова и снова рвануло. От серии не менее чем из десяти разрывов ходуном заходила землянка.

– Что за черт!

Комбат сунул за пазуху уже приготовленную к докладу карту и рванул палатку на входе. В ночных сумерках над пригорком густо мелькали туго натянутые нити трасс – оттуда, с высоты, через их головы к лесу. Очереди были длинные и крупнокалиберные: дуг-дуг-дуг – донеслось с высоты. Но, выпустив пол-ленты, пулемет вдруг замолк, стало тихо, в темном студеном небе сонно сверкали высокие звезды. Судя по всему, немцы что-то подкараулили в ближнем тылу под лесом. Гутман, стоя в траншее, поспешно подпоясывал полушубок, и комбат кивнул головой:

– А ну – пулей! Туда и назад!

– Есть!

Обрушив землю, ординарец выскочил из траншеи, его сапоги протопали в темноте и затихли вдали, а комбат еще постоял, вслушиваясь в неясные звуки вокруг. Но вблизи опять стало тихо, только где-то за лесом от далекой артиллерийской канонады слабым отсветом вспыхивал край неба.

– Это артиллеристы – разини! Всегда они по ночам засветят, – с раздражением сказал из землянки Маркин.

Комбат не ответил. Сзади зашуршала палатка, пятно света от фонаря косо легло на стенку траншеи, в которую высунулась голова Черноручeнко.

– Товарищ комбат, десятый!

Ну вот, так и знал. Стоит на минуту промедлить с докладом, как уже вызывает сам. Внутренне поморщившись, комбат взял из рук телефониста трубку, большим пальцем решительно повернул клапан.

– Двадцатый «Березы» слушает.

– Почему не докладываете? Что там у вас за артподготовка? Опять не выполняете правил маскировки?

С первых слов, раздавшихся в трубке, было понятно, что майор уже поужинал и обретал свой обычный раздраженно-придирчивый тон. Но каскад его вопросов, предназначенных своей строгостью ошеломить собеседника в самом начале, был уже привычен комбату, давно не подавлял и не злил даже. Что делать – Волошин уже примирился с ролью нелюбимого подчиненного, терпел, впрочем, иногда огрызаясь. В общем, все было просто и даже нормально, если бы их явно неприязненные отношения не отражались иногда на батальоне, хотя тут уж он был бессилен. Комбат по обыкновению терпеливо выслушивал все и не спешил с оправданиями – выжидал, пока начальство выскажется до конца. Теперь к тому же он ждал, что вот-вот появится Гутман.

– Але! Что вы молчите? Или вы заснули там? – рокотало в трубке.

И тогда комбат позволил себе немного иронии, на которую командир полка обычно реагировал вполне серьезно.

– Стараюсь привести в систему ваши вопросы.

– Что? Какая система? Вы мне не мудрите, вы отвечайте.

– На столько вопросов не сразу ответишь.

– Плохой тот командир, который не умеет как надо доложить начальству. Надо на ходу смекать. Начальство с полуслова понимать надо.

– Спасибо.

– Что?

– Спасибо, говорю, за науку. И докладываю обстановку, – решительно перебил комбат, чтобы разом покончить с надоевшими нравоучениями, к которым командир полка питал явную склонность. – Противник продолжает укреплять высоту «Большую». Визуально отмечены земляные работы с использованием долгосрочного покрытия – бревен. Также продолжается...

– А вы воспрепятствовали? Или соизволили спокойно смотреть, как фрицы траншеи размечают?

– Траншеи, к сожалению, они разметили ночью, – нарочно не замечая издевки, спокойно докладывал комбат. – К утру все было отрыто почти в полный профиль. Пулеметный огонь оказался малоэффективным по причине пуленепробиваемости укрытий. Другие средства воздействия отсутствуют. У Иванова огурцов всего десять штук. Я уже вам докладывал.

– Слыхал. А кто это у вас дразнит немцев? Что за расхлябанность такая в хозяйстве? Наверно, костры жгут? Или из блиндажей искры шугают снопами? У вас это принято.

– У меня это не принято. Вы путаете меня с кем-то.

Это уже было дерзостью со стороны подчиненного; майор на несколько секунд замолчал, а затем другим тоном, спокойнее, однако, чем прежде, заметил:

– Вот что, капитан, не тебе поправлять, если и спутал. Молод еще.

Но, кажется, иссякало терпение и у комбата:

– Попрошу на «вы».

– Что?

– Попрошу называть на «вы».

Волошин сам начал терять выдержку, его так и подмывало швырнуть в угол эту проклятую трубку и больше не брать ее в руки, ибо весь разговор, по существу, представлял неприкрытые начальственные придирки и его оправдания, когда одна сторона позволяла себе все, что угодно, а другая должна была всячески соблюдать вежливость. Но стоило комбату переступить через сковывающее чувство подчиненности и принять предложенный тон, как голос на том конце провода заметно изменился, притих, командир полка помедлил, прокашлялся и, кажется, сам уже готов был обидеться.

– Уже и в пузырь! Подумаешь, на «ты» его назвал! Назвал, потому что имею право. Вы моложе меня. А на старших в армии не обижаются. У старших учатся. Кстати, едва не забыл, – совсем уже изменил тон Гунько. – Красное Знамя получишь. Приказ прибыл. Так что поздравляю.

«Вспомнил!» – неприязненно подумал комбат и не ответил на это запоздалое и испорченное вконец поздравление. Незанятой рукой он взял из пальцев телефониста его окурок, зубами оторвал заслюнявленный конец. Однако не успел он затянуться, как рядом, коротко рыкнув, вскочил на ноги Джим. Близко в траншее послышался топот, шорох палаток, слыхать было, как кто-то спрыгнул с бруствера. Черноручeнко бросился к выходу, но сразу же отшатнулся в сторону и прижался спиной к земляной стене.

– Куда тут?

– Прямо, прямо, – послышался издали голос Гутмана.

– Осторожно, ступеньки.

– Вижу.

В земляной пол возле печки ударил яркий луч света из фонарика, который затем метнулся под чьи-то ноги. Отбросив в сторону край палатки, в землянку ввалился грузный человек в теплой, с каракулевым воротником бекеше.

Джим возле комбата опять угрожающе рыкнул и рванулся вперед. Волошин в последнее мгновение едва успел ухватить его за косматый загривок. Пес ошалело взвился на задние лапы, человек в коротком испуге отпрянул назад и раздраженно выругался.

– Что тут за псарня?

– Джим, лежать! – строго скомандовал комбат. Джим нехотя отступил и стал рядом, позволив вошедшему сделать три шага к свету.

Под палатку тем временем лезли и еще, землянка быстро становилась тесной и холодной, но Волошин впился глазами в этого первого, который выглядел явно чем-то взволнованным и рукой все держался за обнаженную голову. Сначала комбату показалось, что он растирает рукой озябшее ухо, но человек наклонился к свету, отнял руку от головы и поглядел на ладонь. На ней была кровь. Тут же к нему шагнул второй, в полушубке, с тонкой планшеткой на боку. При свете фонаря он начал вытирать окровавленную щеку вошедшего, на широком погоне которого вдруг блеснула большая генеральская звезда.

Волошин стоял в стороне, понимая уже, что это начальство и что немедленно следует доложить. Но момент был непростительно упущен, теперь просто неловко было подступиться к нему, комбат слишком промедлил и с досадным чувством совершенной оплошности шагнул к генералу:

– Товарищ генерал...

– А тише нельзя?

Генерал вполоборота повернул к нему недовольное, в морщинках лицо с седым клочком коротеньких усов под носом. Секунду они молча стояли так, друг против друга, оба напряженные, большие и плечистые.

– Зачем так громко? Мы же не на плацу.

Волошин еще помедлил, подумав, что, наверное, сказывается близость передовой. Но все-таки он окончил доклад, хотя и тише, чем начал, и генерал, переставив на ящике фонарь, сел с краю, не отрывая руки от виска, на котором кровоточила рана. Тот, второй, майор в полушубке, что вытирал ему щеку, повернулся к Маркину:

– Медпункт далеко?

– Через четыреста метров. В овражке.

– Пошлите за врачом.

– Врача у нас нет. Санинструктор, товарищ майор.

– Не имеет значения. Пошлите за санинструктором.

Волошин кивнул ординарцу:

– Гутман!

– Есть!

Ординарец выскочил в траншею, и в землянке воцарилась неловкая гнетущая тишина. Начальство молчало, по обе стороны от него в почтительном молчании замерли Волошин и Маркин. У порога над печкой грел руки какой-то плечистый боец в бушлате. Майор поискал глазами место, чтоб сесть, и увидел Джима, настороженные уши которого торчали из тени.

– Овчарка?

– Овчарка, – сдержанно сказал комбат и отступил в сторону. Генерал, грузно повернувшись на ящике, с любопытством посмотрел на пса:

– О, зверюга! Как звать?

– Джим, товарищ генерал.

Генерал снисходительно пошлепал ладонью по поле бекеши:

– Джим, Джим, ко мне!

Но Джим, не двинувшись, тихо и угрожающе рыкнул.

– Не пойдет, – сказал комбат.

– Ну это мы еще посмотрим, – бросил генерал и перевел взгляд на комбата: – Давно командуете батальоном?

– Семь месяцев, товарищ генерал.

– А чем раньше командовали?

– Ротой в этом же батальоне.

– Подождите, как, вы сказали, ваша фамилия?

– Волошин.

– Эта не ваша рота захватила переправу в Клепиках?

– Моя, товарищ генерал.

Комбат ожидал, что генерал похвалит или расспросит подробнее об этом его известном в дивизии бое, за который он получил первый свой орден. Но генерал спросил совсем о другом:

– Где передний край вашего батальона?

– По юго-западным склонам, вдоль болота.

– Покажите на карте.

Комбат достал из-за пазухи потертую гармошку карты и развернул ее перед генералом. Он уже догадывался, что было причиной недавней перепалки на передовой, и думал, что генерал сравнительно легко отделался. Могло быть хуже. Но зачем ему понадобилось так близко подъезжать к передовой – пока что оставалось для комбата загадкой.

– Вот. Передовая траншея по промежуточной горизонтали над самым болотом.

При тусклом свете карбидки генерал молча принялся разбираться в карте, заметно относя ее подальше от глаз. К нему наклонился майор, который немного повглядывался в знаки рельефа и объявил с уверенностью:

– Ну, я же докладывал. Именно так: высота шестьдесят пять ноль.

– Гм, да. Высота шестьдесят пять ноль. Так что же, выходит – она у противника?

Генерал поднял на комбата тяжелый укоряющий взгляд.

– У противника, – просто ответил Волошин.

– Почему вы ее не взяли?

– Не было приказано, товарищ генерал.

– Вот как! – недоверчиво сказал генерал и приказал решительным голосом: – Вызывайте сюда командира полка!

Волошин повернулся к телефонисту:

– Черноручeнко, вызывайте «Волгу».

Майор тем временем достал из кармана большую коробку «Казбека», протянул ее генералу, который одной рукой взял папиросу и прикурил от услужливо поднесенной зажигалки. Потом прикурил майор. В землянке растекся душистый, чужой среди ее дымной махорочной вони запах, и Волошин подумал, что, судя по всему, назревает скандал. Он по-прежнему стоял возле генерала в напряженно-выжидательной позе подчиненного, в которой, однако, ощущалась и определенная независимость человека, убежденного в своей правоте. Хотя перспектива, судя по всему, очерчивалась для него не весьма завидная.

Черноручeнко передал на «Волгу» генеральский вызов, и в землянке опять все замолчали, как при покойнике. В этой настороженной тишине привычно прошуршала палатка, из-под которой в землянку проскользнула Веретенникова, санитарный инструктор седьмой стрелковой роты. За нею влез Гутман. Волошин мрачно двинул бровями и тихо про себя выругался – Веретенникова сутки назад должна была отбыть из батальона. Он уже получил за нее выговор от командира полка, и теперь вот, наверно, предстоит получить второй.

Веретенникова тем временем быстро окинула взглядом знакомых и незнакомых в землянке людей и, вскинув к ушанке руку, уверенно шагнула к раненому:

– Товарищ генерал, младший сержант Веретенникова прибыла для оказания первой помощи при огнестрельном ранении.

Наверно, не каждый старшина роты сумел бы доложить так складно и уверенно, как эта девчонка в явно широковатой для нее солдатской шинели. Строгое, насупленное лицо генерала удовлетворенно разгладилось.

– Хорошо, дочка! Посмотри, что тут мне фрицы наделали.

Веретенникова, однако, не трогаясь с места, снова вскинула руку к краю своей цигейковой шапки:

– И разрешите обратиться по личному вопросу, товарищ генерал.

Генерал уже несколько удивленно приподнял голову, но, прежде чем он ответил, Веретенникова выпалила:

– Прикажите комбату оставить меня в батальоне.

Озадаченный ее обращением, генерал неопределенно хмыкнул и искоса из-под сурово надвинутых бровей взглянул на комбата. Волошин выдавливал на щеках желваки, едва сдерживая в себе возмущение за эту более чем бесцеремонную выходку санитарного инструктора.

– А что, он вас прогоняет отсюда? – холодно спросил генерал.

– Отправляет в тыл.

– Таков приказ по полку, – сдержанно объяснил комбат. – Санинструктор Веретенникова комиссована как непригодная к строевой службе. А вы, товарищ младший сержант, должны бы знать, как в армии полагается обращаться к старшим начальникам!

Веретенникова, однако, оставив без внимания его слова, по-прежнему держала руки по швам и, не сводя глаз с генерала, ждала ответа. Генерал едва заметно повел левым плечом:

– Я не могу этого решить. Обращайтесь к вашему непосредственному начальству.

Девушка обиженно прикусила губу и резким, почти демонстративным движением рванула вперед санитарную сумку. Генерал повернулся раной к свету, Веретенникова бегло осмотрела его висок.

– Надо остричь.

– Всего? – удивился генерал с нотками юмора в голосе.

Веретенникова генеральский юмор оставила без внимания:

– Вокруг раны.

– Ну что ж! Стриги, если есть чем.

– Найдется.

Она вынула из сумки ножницы и довольно ловко остригла седоватый висок генерала. Генерал поморщился, терпеливо пережидая парикмахерскую операцию. Затем Веретенникова достала из сумки сверток бинта, и ее маленькие руки в подвернутых рукавах шинели начали ловко выстраивать сложную схему головной повязки. Несколько раз обмотав бинтом голову, она пропустила его под челюсть, и это не понравилось генералу:

– Отсюда убери. Шея у меня здоровая.

– Так надо, – сказала Веретенникова. – Согласно наставлению.

Генерал резко повернулся к ней всем своим грузным телом:

– Какое наставление! Мне руководить войсками, а вы из меня чучело делаете!

– Иначе повязка не будет держаться.

– Тогда ты не умеешь перевязывать.

– Умею. Не вас первого.

– Сомневаюсь!

– Так перевязывайтесь сами!

Точным сильным рывком она оборвала бинт, и не успели еще присутствующие в землянке что-либо понять, как взметнулась на входе палатка и санинструктор исчезла в траншее.

– Что за безобразие! – почти растерялся генерал. Возле его уха висели длинный и короткий несвязанные концы бинта. Все время молчавший майор вскочил с соломы и угрожающе бросился к выходу:

– Товарищ санинструктор! А ну вернитесь!

– Не вернется! – тихо сказал в углу Гутман, и Волошин, едва сдерживая гнев, выразительно взглянул на него. Но майор уже обращался к командиру батальона:

– Как то есть не вернется? Комбат!

Это был приказ, комбат обязан был что-то предпринять, чтобы выполнить волю начальства, и, хотя сам почти был уверен, что Веретенникова не вернется, решительно вышел в траншею:

– Младший сержант Веретенникова!

Ночь ударила в лицо глухой молчаливой тьмой, ветер крутил над траншеей дым из трубы. Комбат прислушался: поблизости нигде не слышно было ни звука.

– Веретенникова!

Она не откликнулась, и он, борясь с нахлынувшим чувством гнева, постоял еще несколько минут, охваченный продымленным холодом. Это было черт знает что, не хватало еще ему, командиру батальона, бегать за этой своевольной девчонкой. Позор, да и только! Но хорош и ротный – лейтенант Самохин, которому он еще вчера утром лично приказал отправить санинструктора в распоряжение начсанслужбы дивизии. Самохин тогда сказал «есть!», а теперь вот это ее скандальное появление перед генералом...

Возвратясь в землянку, комбат, нарочно ни к кому не обращаясь, бросил вполголоса «не догнал», и генерал с едва скрываемым презрением посмотрел на него. Комбат ждал гневных упреков, выговора и, наверно, выслушал бы их молча, сознавал, что был виноват. Но там, где дело касалось военных девчат, он чувствовал себя беспомощным. Вся его воспитанная за годы воинской службы логика поведения заходила в тупик, когда он сталкивался с самым банальным девичьим капризом. Впрочем, как и многие на войне, он считал, что армия и женщина несовместимы, что это недоразумение – женщина на войне.

Но генерал в этот раз лишь устало вздохнул и смолк, на его грубом лице застыло до поры сдерживаемое и в общем понятное теперь недовольство. Майор кое-как связал на его голове обрывки бинта и сел на солому. Комбат стал на прежнее место. В землянке опять воцарилась неловкая, скованная присутствием большого начальства тишина, которую, к счастью, вскоре нарушили долетевшие сверху звуки. Это был конский топот, затем короткий, но более громкий, нежели обычно, окрик часового с НП. Волошин с облегчением выдохнул – приехал командир полка.

Майор Гунько решительно вошел в землянку, быстрым взглядом окинул фигуры присутствующих, безошибочно определив среди них начальство, и коротко, но четко представился. Генерал, однако, неподвижно сидел на ящике, нахмурив брови, и Гунько смущенно переступил с ноги на ногу. В тишине слышно стало, как прошуршала его наброшенная поверх шинели палатка и тоненько звякнула на сапоге шпора.

– Вы что – командир кавалерийского полка? – тоном, не обещавшим ничего хорошего, спросил генерал.

– Никак нет! Стрелкового, товарищ генерал.

– На какого же черта тогда у вас шпоры?

Майор в замешательстве передернул плечами и снова замер, не отрывая взгляда от генерала, который вдруг энергично вскочил с ящика. Тень от его грузной фигуры накрыла половину землянки.

– Вы бы лучше порядок у себя навели! И менее заботились о своем кавалерийском виде! А то у вас бардак в полку, товарищ майор!

Видно, еще мало что понимая, майор стоял смирно и невинно смотрел в рассерженное лицо генерала. А тот, вдруг замолчав, через плечо бросил бойцам, столпившимся возле печки:

– А ну – покурите там!

Гутман, Черноручeнко, боец в бушлате и разведчик вылезли в траншею. В землянке стало просторней, генерал отступил в сторону, и огонек фонаря тускло осветил немолодое, страдальчески напряженное лицо командира полка.

– Какая у вас позиция? Где вы засели? В болоте? А немцы сидят на высотах! Вы что, думаете, они вам оттуда будут букеты бросать? Платочками махать?

– Я так не думаю, товарищ генерал! – невозмутимо сказал Гунько.

– Ах, вы не думаете? Вы уже поняли? А вы знаете, что все подъезды к вам простреливаются пулеметным огнем? Вот полюбуйтесь! – генерал ткнул пальцем в свой забинтованный лоб. – Едва к архангелу Гавриилу не отправили. А «виллис» колесами вверх лежит. Новый вы мне дадите?

– Виноват!

– Что?

– Виноват, товарищ генерал!

Комбат едва заметно улыбнулся – уже и виноват! В чем тут вина командира полка, трудно было себе представить, не то что признаться в ней. Скорее всего виноват шофер, не сумевший проехать в темноте и, наверно, включивший подфарники. Но майор Гунько, донятый гневом большого начальника, по-видимому, готов был принять на себя любую вину, лишь бы не раздражать генерала. Впрочем, возможно, в этом и был резон, так как генерал, не встретив возражения, скоро замолк, подошел к угасавшей без присмотра печурке и начал толкать в нее разбросанный по земле хворост. В землянку повалил дым, генерал закашлялся, притворил дверцу.

– И вот он тоже виноват! – повернул он голову в сторону командира батальона. – Он должен был взять высоту. А не сидеть в болоте.

– Так точно, товарищ генерал! – вдруг бодро ответил Гунько и почти обрадованно обернулся к Волошину. Страдальческое выражение на его лице сменилось надменно-требовательным оттого, что начальственный гнев переходил на другого. Волошин с холодным недоумением пожал плечами:

– Мне не было приказано ее брать.

Генерал поднялся от печки, возле которой его услужливо сменил майор в полушубке. В печи загудело, затрещало, все ее щели ярко засветились пламенем.

– Вот он уже второй раз оправдывает свою бездеятельность отсутствием приказа. По плану командующего высота в вашей полосе? – спросил генерал, и командир полка поспешно схватился за свою полевую сумку.

– Так точно. Для меня включительно.

Немного суетливее, чем следовало, он достал из сумки испещренный знаками лист карты, и они склонились над ней в тусклом свете карбидки. Комбат чувствовал, что тут что-то напутано, но молчал, с покорной готовностью подчиненного ожидая, что будет дальше. И вдруг генерал выругался:

– Где же включительно? На карте для вас исключительно.

– Так точно, исключительно, – поспешил подтвердить командир полка.

– Так что же вы путаете? Или вы не понимаете знака?

– Понимаю, товарищ генерал.

– Разгильдяи! – Генерал швырнул карту. – Слишком о себе заботитесь! – выкрикнул он и страдальчески приложил руку к повязке.

Волошин сузил глаза. Сдержанность, не покидавшая его все это время, начала изменять комбату.

– Надеюсь, товарищ генерал, ко мне это не относится.

Генерал сделал шаг к выходу и остановился:

– Относится! И к вам тоже относится! Вот мы разберемся – и будете завтра брать высоту штурмом. А то расположились мне, печки-лавочки!

Комбат молча про себя выругался, вот тебе и на – дождались наконец! Он уже чувствовал, что эти слова генерала – не пустая угроза, что очень даже возможно – прикажут, и придется брать высоту штурмом, особенно если в это дело вмешается такой высокий начальник. Но ведь столько упущено времени! Там, наверно, отрыты уже все траншеи, заложены минные поля, оборудованы все огневые позиции, и теперь – наступать! «Где же вы были сутками раньше, товарищ решительный генерал?» – думал командир батальона. Теряя остатки выдержки, он шагнул вперед и сказал как можно спокойнее:

– Судя по всему, высота шестьдесят пять ноль включительно для полосы соседней армии.

Генерал остановился и вперил в комбата злой взгляд своих суженных колючих глаз. Его лоб под высоко надетой папахой резко белел в сумраке свежим бинтом. Комбат, не моргнув, почти с вызовом выдержал этот многозначительный взгляд.

– Ишь какой умник! Знает: соседней армии! А я вот нарезаю ее вам. А то – соседней! Вы знаете, где соседняя армия? У черта на куличках соседняя армия. Жуковку еще не взяла.

– Тем более нам нельзя вырываться. Открытый фланг.

– Смотрю, ты чересчур грамотный! За фланги беспокоишься. А ты бы побольше о фронте думал. О фронте! За фланги позаботятся кому надо.

– Я беспокоюсь за батальон, которым командую. А в батальоне и так семьдесят шесть человек на довольствии.

Генерал замолчал, засунув руки в карманы бекеши, прошагал к печке, назад к ящикам и остановился, задержав взгляд на робком огоньке фонаря. Майор Гунько, не сходя с места посреди землянки, почтительно повернулся к генералу.

– Командир полка, вы пополнение получали?

– Так точно. Сегодня в конце дня.

– Пополните его батальон.

– Будет сделано.

– Мне нужны еще командиры, – с упрямой настойчивостью сказал комбат. Его сдержанность перед генералом вдруг исчезла, вытесненная беспокойством перед неожиданно свалившейся новой задачей. Он уже весь был во власти этой задачи и теперь, воспользовавшись моментом, хотел изложить перед начальством все многочисленные нужды своего батальона. – У меня только один штатный командир роты. Недостает двенадцати командиров взводов. У меня у самого нет заместителя по политчасти – выбыл в госпиталь. Поддерживающая батарея артполка сидит без снарядов, – сказал он и умолк. Для начала было достаточно.

Наступило молчание. Командир полка, расслабив в колене ногу, продолжал стоять перед генералом, у которого все ниже на глаза оседали его тяжелые косматые брови.

Где-то на поверхности снова громыхнули разрывы, но в этот раз дальше, чем прежде; генерал настороженно вслушался и, как только эхо разрывов смолкло вдали, спросил у Гунько:

– Вы на лошади?

– Так точно.

– С коноводом? Одну лошадь дадите мне. Поедем в штаб.

Поняв, что самое неприятное минуло, майор Гунько будто стряхнул с себя все время владевшую им скованность школьника перед строгим директором.

– Пожалуйста, товарищ генерал. А ваш адъютант, если угодно, может подождать, я пришлю коня. Это быстро.

– Зачем ждать? – сказал майор-адъютант. – Мы пешком. Коновод поведет.

– Можно и так, – сговорчиво согласился Гунько, и у комбата как-то не в лад с его настроением мелькнуло в голове: какая почтительность! Эту граничащую с угодливостью почтительность Волошин наблюдал в своем командире впервые, никогда не подозревая прежде, что въедливый, желчный майор может оказаться таким покладистым. В другой раз он бы не преминул с удовольствием понаблюдать за новой чертой командира полка, но теперь, взбудораженный всем, что ему предстояло, грубовато спросил Гунько:

– Так мне что, готовиться к атаке?

Командир полка, в затруднении сморщив лоб, повернулся было к нему, потом к генералу, который старательно натягивал на руки перчатки.

– Вот разберемся, и получите приказ.

Волошин неторопливо достал часы:

– Уже почти двадцать два часа, товарищ генерал. В случае чего, когда же мне готовить батальон?

Генерал шагнул к выходу, но, остановившись, сказал с не покидавшей его язвительностью:

– Ишь забеспокоился! Раньше надо было беспокоиться, товарищ комбат.

– Раньше батальон имел другую задачу.

– Наступать – вот ваша задача! – повысил голос генерал. – Наступать! Запомните раз навсегда! Пока враг не изгнан из пределов нашей священной земли – наступать! Не давать ему покоя ни днем ни ночью. Забыли, чьи это слова? Напомнить?

Комбат зло молчал. Против этих слов у него не было и не могло быть возражений, тут он оказался припертым к стене. Это было почти унизительным – молча стоять так, под строгим генеральским взглядом, опустив руки по швам, и чувствовать, как генерал, празднуя над ним побед у, презрительно сверлит его своим начальственным взглядом. Да, он победил строптивого комбата и с высоты своей генеральской власти минуту демонстративно наслаждался этим. Затем протянул руку к палатке, чтобы выйти из землянки, как вдруг остановился, будто припомнив что-то.

– За отсутствие дисциплины в батальоне и эти штучки санитарного инструктора объявляю вам выговор, комбат. Вы слышите?

– Есть! – сжав челюсти, выдавил Волошин.

– Вот так! Получите в приказе по армии.

В мертвой тишине, которая наступила в землянке, генерал еще раз пронзил его властным взглядом и вдруг будто случайно увидел у стенки Джима.

– А собачку вашу мы заберем. Вам она ни к чему – командуйте батальоном. Крохалев!

Палатка на выходе приподнялась, и в землянку влез незнакомый боец в бушлате.

– Крохалев, возьмите пса!

Боец не очень решительно сделал два шага вперед и с протянутой рукой наклонился к Джиму. Пес угрожающе насторожился и вдруг с такой яростью гаркнул, что Крохалев в испуге отскочил к порогу. «Ага, черта он вам дастся! – злорадно подумал комбат. – Берите, ну!»

Генерал, уже приподняв палатку, вдруг обернулся:

– Что, не идет? Комбат, а ну дайте своего человека!

Волошин сжал челюсти, ощущая полный свой крах.

Генерал ждал, но у комбата все не хватало решимости на это позорное в отношении пса предательство.

Пауза затягивалась, генерал ждал, и Гунько деланно встрепенулся от возмущения:

– Вы слышали приказ? Где ваши бойцы? А ну там, в траншее, – живо!..

В землянку ввалился Чернорученко и вопросительно уставился на командира полка. За его спиной из-за палатки выглядывал Гутман.

– Берите собаку! Живо!

Чувствуя, что Джима уже не спасти, Волошин ледяным голосом приказал:

– Гутман, возьмите Джима!

– Куда? Это наш Джим. Куда его брать?

– Прекратить разговор! Выполняйте приказ!

Обезоруженный холодной неумолимостью комбата, ординарец недоуменно пожал плечами:

– Гм! Мне что! Я выполню. Джим, ко мне!

Пес доверчиво подался к Гутману, и тот взял его за ошейник. Джим не сопротивлялся, лишь недоумевающе спокойно посмотрел на комбата. Волошин отвел взгляд в сторону, чтобы не выдать того, что он сейчас чувствовал. Но что понимала собака?

– Вот так! – удовлетворенно сказал генерал. – Проводите к штабу, товарищ боец.

Он включил фонарик, и все они друг за другом вылезли в траншею.

В землянке сделалось тихо, пустынно и холодно. Чернорученко взялся шуровать в печке. Лейтенант Маркин бесшумно вылез из темного угла и сел на свое место за ящиками.

Комбат в сердцах выругался и, рванув палатку, вышел в траншею.

Глава третья

Черт бы их взял, эти кусты и рогатины, которые в ночной темени будто кто специально понатыкал на его пути. Но уж действительно, если где есть какая коряга, то ночью обязательно налезешь на нее. Комбат встал, потер ушибленное колено, вслушался – нет, кажется, его еще не окликнули, хотя где-то поблизости должны были начаться ячейки седьмой роты. Почти на ощупь он прошел еще метров сто. Сапоги хрустко ломали высохший прошлогодний бурьян на обмежке, какое-то невидимое колючее сучье цеплялось за полы шинели, ветер надоедливо стегал по лицу незавязанными тесемками шапки. Впереди на небосклоне огромным пологим горбом чернела злосчастная высота, судьба которой решалась в эти минуты в штабе. Объятая ночной теменью, она казалась теперь совсем рядом, через болотце, тускло серевшее в ночи остатками грязного льда, и комбат с затаенным любопытством вгляделся в ее темные, перекопанные немцами склоны.

Нет, маскировались они отменно, не то что в первое лето, когда почти открыто разгуливали по передовой в трусиках и играли в волейбол на огневых позициях. Теперь за всю ночь не услышишь ни звука – притаились, зарылись в землю и тихо сидят, готовя свое подлое дело. Но какое? И сколько их там, какой части, какую имеют задачу, где их огневые средства? – все это были вопросы, не найдя ответа на которые трудно рассчитывать на удачу. Особенно с такими силами. Семьдесят человек – по существу, одна стрелковая рота, без артподдержки, без саперов и танков – на довольно уже укрепленную высоту. Если еще и не подготовиться как следует, то и высоты не возьмешь, и людей погубишь всех без остатка.

– Стой! Кто идет? – послышалось в темноте.

Не спеша с ответом, комбат повернул на окрик и вскоре различил на темной земле глинистый бугорок бруствера, возле которого темнела ямка окопчика, и в ней шевелился кто-то. Боец не окликал больше, наверно, еще издали узнал комбата. Вообще это был непорядок, но капитан смолчал, он уже привык, что в батальоне его узнавали всюду по первому звуку его шагов и первому слову его команды. Так же молча комбат ступил на мягкую землю невысокого брустверка. Боец с поднятым воротником шинели и в каске поверх шапки выжидательно застыл в окопчике:

– Где командир роты?

– Дальше, товарищ комбат. Там кустики есть, так он возле кустиков.

– Как немец?

– Молчит, товарищ комбат, – глухим простуженным голосом ответил боец. Волошин вгляделся попристальнее – нет, боец был незнакомый, наверно, из недавнего пополнения – худенький, озябший, с острым подбородком под каской. Всех старых пехотинцев седьмой он знал еще с того времени, как сам командовал этой ротой. Но старых уже осталось немного.

– Как фамилия?

– Моя? – тихо переспросил боец. – Рядовой Тарасиков.

– Откуда родом?

– Я? Саратовский, – сказал он и притих, наверно, в ожидании новых, в этом же смысле, вопросов.

Комбата, однако, интересовало другое.

– Машин там не было слышно? Не гудели?

– Машин? Нет, не слыхал. С вечера где-то лопатками близко тупали. Похоже, вон там, возле овражка, – указал в темноту боец. – Наверно, дзот строят.

Дзот – это конечно, без дзота они не обойдутся. Но будет хуже, когда, оборудовав дзоты, еще и натыкают мин вокруг, тогда завтра не избежать беды, будет сюрприз не дай бог. Комбат повглядывался в темноту, послушал, однако ночь была ветреная и на редкость

глухая. С вечера над высотой, наверно, не взлетело ни одной ракеты, и уже одно это обстоятельство наводило на размышления.

– Ну что ж, Тарасиков. Наблюдайте.

– Есть! – с готовностью ответил боец и спросил тоном давно знакомого: – А где ваш Джим, товарищ капитан? Не слыхать что-то.

– Нету Джима, – сухо ответил комбат и пошел дальше.

Джима, конечно, уже не вернешь, если угодил к такому начальнику, то, считай, дело пропащее. Вообще для собаки это, может, и лучше, у генерала ее судьба может сложиться счастливее, чем на передовой. И тем не менее щемящее чувство потери шевельнулось в сознании капитана – столько у него было связано с этим псом!.. Но смотри, и боец, молодой, в батальоне недавно, а знает Джима и даже интересуется им. Комбат был уверен, что видит бойца впервые, а тот, оказывается, не только узнает комбата в ночи, но еще и знает его собаку. Хотя такова уж судьба командира: каждый его шаг – перед сотней внимательных человеческих глаз, от которых ничего не скроешь.

Из темноты снова окликнули – возле пулеметного окопа, греясь, размахивал руками старый пулеметчик Денищик, знакомый комбату еще по летним боям под Кузьминками, когда совсем небольшая группа бойцов – остатки полка – пробивалась из окружения. Тогда же этот довольно пожилой боец неизвестно откуда прибился к роте и так вместе с нею и вышел к своим. А на переформировке из-за него произошла неприятность – начальство начало придираться: почему не отправил бойца на проверку, зачем оставил в роте – человек чужой, незнакомый, мало ли что может случиться. Проверялся Денищик позже, в боях, когда однажды, заменив раненого пулеметчика, помог отбить контратаку немцев, да так и остался при пулемете. Впрочем, пулемет у него, кажется, уже новый – вместо «максима» тонкоствольный, системы Горюнова.

– Ну как дела, Денищик?

– А пока что слава богу.

– Почему богу? Ты что, верующий?

– Верующий не верующий, а так говорят. К слову приходится.

Боец уважительно, со сдержанным достоинством перед начальством переступил с ноги на ногу, втянув голые, без рукавиц, руки в коротковатые рукава телогрейки. Комбат опустился возле пулемета на корточки и взглянул в темноту через бруствер.

– А как обстрел? Мертвого пространства нет?

– Ну что вы! Все как на талерке, товарищ комбат.

– Тарелке надо говорить. А они тут не засекут вас? С высоты ведь тоже как на тарелке.

– Ну. Так мы ведь, когда тихо, Гаруна сюда, – Денищик показал в окопчик, где под бруствером темнела оборудованная для пулемета ниша-укрытие, в которой теперь посапывал свернувшийся калачиком его напарник. – Обстрел когда. А как заварушка, тогда на место.

Комбат распрямился на бруствере.

– Ну молодцы. Командир роты где?

– А тут, недалеко. Блиндажик вон, – кивнул головой Денищик и снова принялся греться – притопывая, шлепать руками под мышками.

Невдалеке под обмежком начиналась мелкая недокопанная траншейка, из которой послышались далековатые, возникавшие под землей голоса. Обрушивая рыхлые стенки траншеи, комбат почти боком пробирался по ней, пока не завидел под бруствером слабый проблеск света у края палатки. Приподняв пыльный брезентовый полог, он нагнул голову и с усилием протиснулся в тесный полумрак блиндажа.

Здесь ужинали. Тесно обсев разостланную на полу палатку, бойцы сосредоточенно работали ложками. Между разнообразно обутых – в ботинки, сапоги и валенки – ног стояло несколько котелков с супом. В углу против входа, привстав на коленях, в распоясанной гим-

настерке, укладывала вещмешок Веретенникова. Из-под жиденькой русой челки на лбу она метнула в комбата отчужденный, обиженный взгляд и локтем толкнула лейтенанта Самохина.

– Вадька!

Самохин заметно встрепенулся, увидев комбата, который сразу от входа вперся в чью-то широкую спину; ротный сделал запоздалую попытку встать для доклада.

– Товарищ капитан...

Комбат поднял руку.

– Ужинайте.

Кто-то подвинулся, давая ему возможность присесть, кто-то перелез в другой угол. Вверху под перекладиной, потрескивая и коптя, дымил озокеритный конец телефонного провода, воняло жженым мазутом. Веретенникова еще раз обиженно взглянула на Волошина и занялась лямками вещевого мешка.

– Может, поужинаете с нами, товарищ комбат? – неуверенно предложил Самохин.

Комбат не ответил. В блиндаже все примолкли, почувствовав его настроение, – наверно, тут уже были в курсе того, что произошло на батальонном КП. Ощущая на себе вопрошающее внимание присутствующих, комбат достал из кармана дюралевый, с замысловатой чеканкой на крышке портсигар, начал вертеть цигарку. Он знал: они ждали разноса за случай с их санинструктором, окончившийся для него вторым генеральским выговором, но он не хотел начинать с этого. Он выжидал. Старшина роты Грак и командир взвода сержант Нагорный, сидевшие напротив комбата, сунули ложки за голенища, Самохин застегнул крючки шинели, Веретенникова начала надевать телогрейку. Судя по всему, конец ужина был испорчен, хотя супа в котелках ни у кого не осталось.

– Товарищ Самохин, сколько у вас на сегодня в строю? – не взглянув на командира роты, спросил комбат.

– Двадцать четыре человека. С санинструктором.

– Санинструктора не считайте.

Самохин умолк, наверно, ожидая, что скажет комбат. Волошин затянулся, махорка в цигарке странно потрескивала, временами вспыхивая, будто к ней подмешали порох. Бойцы называли ее трассирующей, что почти соответствовало действительности, особенно на ветру ночью.

– Выделите двух человек. Двух толковых бойцов.

Самохин с заметным облегчением опустился ниже и выдохнул. Подвижный взгляд его темных глаз на молодом, с раздвоенным подбородком лице, соскользнув с комбата, остановился на сержанте Нагорном.

– Нагорный, дай двух человек.

– Отставить! – ровно сказал комбат. Все в землянке недоуменно взглянули на него, однако он намеренно не придал никакого внимания этим взглядам. – Наверно, у товарища Нагорного имеется воинское звание?

Лейтенант все понял с первого слова:

– Сержант Нагорный, выделить двух бойцов!

– Есть!

Коренастый плечистый крепыш в расстегнутом полушубке, Нагорный сгреб с пола автомат и с шумом протиснулся в траншею...

– И еще пошлите за командирами. Восьмой и девятой. ДШК тоже.

Самохин только взглянул на Грака, и тот, хотя и без спешки, вылез вслед за Нагорным. В блиндаже, кроме комбата и ротного, осталась одна Веретенникова. Теперь можно было начинать неприятный разговор. Волошин свободнее вытянул ноги.

– Так до каких пор будем воду мутить, товарищ Самохин?

– Какую воду?

– Когда будет выполнен мой приказ?

Прежде чем ответить, лейтенант помолчал, бросая вокруг быстрые нервные взгляды.

– Завтра утром пойдет.

– Никуда я не пойду! – тут же объявила Веретенникова.

– Вера! – с нажимом сказал Самохин.

Девушка подняла на него обиженное, злое лицо:

– Ну что? Что Вера? Куда вы меня прогоняете? Как наступление, так нужна была, тогда не отправляли, а как стало тихо, оборона, так выметайсь! Я год пробыла в этом полку и никуда из него не пойду. Поняли?

Комбат сдержанно поглядывал то на нее, раскрасневшуюся и расстроенную, то на страдальчески нахмуренное лицо ротного. Это было черт знает что – наблюдать такую сцену на фронте, в полукилометре от немецкой траншеи.

– Что же, вы и рожать тут будете? – спросил он нарочно грубовато. Веретенникова встрепенулась, на ее щеках уже заблестели слезы.

– Ну и буду! А вам-то какое дело?

– Вера, ты что?! – взмолился Самохин.

– Нет уж, товарищ санинструктор! В моем батальоне роддома нет, – холодно отчеканил комбат. – Рано или поздно отправитесь в тыл. Так что лучше это сделать вовремя.

– Никуда я от Вадьки не отправлюсь, – сказала она.

Однако решимость ее, похоже, стала ослабевать, девушка всхлипнула и закрыла лицо руками. Самохин схватил ее за руки:

– Вера! Ну что ты! Успокойся. Все будет хорошо, пойми.

Вера, однако, не хотела ни понимать, ни успокаиваться, а все всхлипывала, уткнувшись лицом в телогрейку, и Самохин минуту растерянно уговаривал ее. «Чертов бабник! – думал комбат, почти с презрением глядя на своего ротного. – Видный, неглупый парень, хороший командир роты, да вот спутался с этой вздорной девчонкой. Теперь, когда уже приспичило и не стало возможности скрывать их отношения, надумали фронтовую женитьбу. Как раз нашли время!»

Почувствовав на себе руки Самохина, Вера помалу начала успокаиваться, и комбат сказал, чтобы разом покончить с этим уже надоевшим ему конфликтом:

– Завтра утром штурмуем высоту. Атака, наверно, в семь. К шести тридцати чтобы вас в батальоне не было.

Вера, вдруг перестав всхлипывать, насторожилась:

– Что? Чтобы я смылась за полчаса до атаки? Нет уж, дудки. Пусть мне генерал приказывает! Пусть сам маршал! Хоть сам господь бог. Ни за что!

– Ладно, Вера. Не горячись. Ну что ты как маленькая! – уговаривал ее ротный, пока она не перебила его:

– Ну да, не горячись! Долго ты без меня уцелеешь? Дурачок, ты же в первую минуту голову сложишь! За тобой же, как за маленьким, смотреть надо! – сквозь слезы приговаривала Вера.

Самохин страдальчески сморщился.

– Вот так! – объявил комбат, не желая больше продолжать этот слезливый разговор. Тем более что в траншее послышались шаги, в блиндаж уже влезал Нагорный и с ним еще два бойца. Почти одновременно бойцы доложили:

– Товарищ комбат, рядовой Дрозд по вашему приказу...

– Товарищ комбат, рядовой Кабаков...

Это тоже были новые бойцы в батальоне, с незнакомыми ему лицами, хотя фамилию Дрозда он уже знал из бумаг, которые подписывал перед отправкой в полк для награждения

за зимние бои под Гуляевкой. Еще он вспомнил, что этого Дрозда когда-то хвалил на партийном собрании покойный политрук Кузьменко. И в самом деле боец производил неплохое впечатление своей рослой, сильной фигурой, открытым, простодушным лицом, выражавшим готовность выполнить все, что прикажут. Кабаков выглядел хуже – был тонковат, насуплен и небрежно одет – из-под телогрейки торчал зеленый воротник немецкого кителя, напяленного для тепла поверх гимнастерки.

– Стоять тут негде, поэтому садитесь и слушайте, – сказал комбат. Бойцы послушно опустились в мигающий сумрак у входа. – Вам боевая задача. Очень ответственная. Вооружиться ножами или штыками, прихватить с собой побольше бумаги – газет или книжку какую разодрать, тихо перейти болото и с обмежка по-пластунски вверх до самой немецкой траншеи. Без звука. У траншеи развернуться и таким же манером назад. Вот и все. Понятно?

Бойцы, слегка недоумевая, смотрели на комбата.

– Не поняли? Поясняю. Проползти и ножами прощупать землю. Если где мина – не трогать. Только на то место клочок бумаги и камушком прижать. Чтобы ветром не сдуло. И так дальше. Теперь ясно?

– Ясно, – не слишком уверенно сказал Дрозд.

Кабаков шмыгнул носом, и комбат внимательно посмотрел на него:

– Все это займет у вас не более двух часов. Может так получиться, что на нейтралке окажутся немцы. Тогда послушайте, чем они занимаются. И назад. Я буду вас ждать. Вопросы есть?

– Ясно, – несколько бодрее, чем прежде, ответил Дрозд.

Кабаков опять шмыгнул носом и неопределенно прокашлялся.

– Значит, все ясно? – заключил комбат. – Тогда сержант Нагорный проводит вас до льда и поставит задачу на местности.

– Есть.

Бойцы поднялись и, пригнувшись, повернулись к выходу, но Кабаков, шедший вторым, остановился.

– Я это... товарищ комбат, кашляю.

– Да? И здорово?

– Как когда. Иногда как найдет...

Боец замолчал и с преувеличенным усердием прокашлялся. Комбат мельком глянул в его глаза и увидел там страх и подавленность – слишком хорошо знакомые на войне чувства. Все становилось просто до возмущения. Теперь, однако, комбат постарался быть сдержанным.

– Тогда отставить, – сказал он. – Вашу кандидатуру отставить. Вместо вас пойдет старший сержант Нагорный.

– Есть, – сказал Нагорный и в наступившей паузе спросил: – Разрешите выполнять?

– Выполняйте, – сказал комбат. – По возвращении – сразу ко мне.

Нагорный с Дроздом вылезли, напустив в блиндаж стужи, а Кабаков остался, обреченно уронив голову в шапке.

– Боитесь? – спросил комбат, в упор рассматривая бойца и привычно ожидая лжи и оправданий. Но Кабаков вдруг подтвердил смиренно и искренне:

– Боюсь, – и еще ниже наклонил голову.

Конец провода в углу, догорев до самой перекладины, начал дымно моргать, и Вера, поднявшись, с запасом потянула его с потолка.

– Лейтенант Самохин, он что у вас, всегда труса празднует?

– Да нет. Вроде не замечалось.

– Давно на фронте?

– Четыре месяца, – тихо ответил боец.

– Откуда сам?

– Из Пензенской области.

– Кто дома?

– Мать. И три сестренки.

– Старшие?

– Младшие.

– А отец?

– Нету. В сорок первом из-под Киева прислал одно письмо, и все.

Сделалось тихо. Веретенникова страдальчески, прерывисто вздохнула. Снаружи послышалась стрельба – пулеметная очередь где-то на участке соседей.

– Значит, боишься? – язвительно переспросил Самохин. – За свою шкуру дрожишь?

– Все боятся. Кому помирать охота?

– Ах вот как! Еще философию разводишь! Разгильдяй, я тебе покажу сейчас! А ну снимай ремень!

Ротный поднялся и, пригнув голову, шагнул к бойцу.

– Тихо, товарищ лейтенант! – сказал комбат. – Пусть идет. Идите на место, Кабаков.

Боец с поспешной неуклюжестью вылез из блиндажа, Самохин зло отбросил из-под ног котелок.

– Ну и напрасно! Надо было специально послать. От трусости полечиться.

Комбат вынул из кармана портсигар.

– Не стоит, Самохин.

– А, потому что признался, да? За это вину спустили?

Лейтенанта, видать по всему, прорвало, он переставал сдерживать себя, готов был на ссору, которой требовало в нем все пережитое за этот вечер. Но комбат не мог позволить ему такой возможности, тем более что впереди у обоих были дела куда более трудные.

– Да, спустил, – спокойно ответил он. – Помните толстовскую притчу: за разбитую чашку спасибо. Потому что – не соврал.

– Притча! Ему притча, а Дрозд что, камень? Да? И не боится? Вот шарахнет, и одни ошметки останутся. А этот жить будет. Правдивец!

Комбат промолчал.

Глава четвертая

Первым из вызванных командиров прибежал младший лейтенант Ярощук, командир приданного батальону взвода крупнокалиберных пулеметов ДШК. Самый младший по званию, он был тем не менее самым старым среди офицеров батальона по возрасту – лет под пятьдесят дядька, бывший сельповский работник с Пензенщины, которому когда-то при увольнении со срочной службы присвоили звание младшего лейтенанта запаса. Далее этого звания Ярощук не продвинулся, что, однако, мало беспокоило его. Совсем не командирского вида, щуплый, небрежно одетый в поношенную красноармейскую шинель, он спустился в блиндаж и заговорил, видно со сна, хрипловатым голосом:

– Морозец, черт бы на его, все жмет. Не хватило за зиму промерзаловки.

Ярощук, по-видимому, не сразу заметил, что в блиндаже все молчали, мало настроенные на его говорливую беззаботность. Он оживленно потер озябшие руки, почти с ребяческим простодушием поглядывая на присутствующих. Комбат скупо бросил:

– Садитесь, товарищ Ярощук.

– Ну что ж, можно и сесть, если не прогоните. А я это... в окопчике под брезентом кемарнул малость. Промерз как цуцик... У тебя нет закурить, лейтенант? – спросил он Самохина. Тот достал из кармана щепоть махорки и молча протянул ее командиру ДШК.

– А бумажки нет? Ну ладно, найдем. Где-то был у меня клочок...

Вторым вскоре явился командир восьмой роты лейтенант Муратов. Ловко затянутый ремнями, с аккуратно пришитыми погонами, с планшеткой на боку, он легко проскользнул в блиндаж и, слегка нагнув голову, привычной скороговоркой доложил с акцентом:

– Товарищ капитан, лейтенант Муратов по вашему приказанию прибыл.

Командира девятой пришлось подождать дольше. Командир батальона уже намерился послать за ним второй раз, как в траншее послышались шаги, кашель, и наконец длинный худой Кизевич в неподпоясанном полушубке с обвисшими, без погон плечами неуклюже пролез в блиндаж. Сделав легкий намек-жест рукой к шапке, буркнул вместо доклада как о само собой разумеющемся:

– Старший лейтенант Кизевич.

Комбат бесстрастно сидел, прислонясь спиной к холодной стене блиндажа, лишь взглядом отмечая приход каждого. Он почти не реагировал на некоторые вольности докладов подчиненных, но, по-видимому, они все-таки что-то почувствовали во внешней сдержанности комбата и, смолкнув, выжидательно пристраивались рядом с Ярощуком.

– Ну что ж, – сказал комбат и откинулся от стены. – Кажется, все. Прошу доложить о количественно-боевом составе подразделений. Командир седьмой!

Самохин, с озабоченным видом сидевший возле Веры, сел ровнее, подобрал ноги и поднял с пола соломину.

– У меня в строю двадцать четыре человека. Из них средних командиров один. Сержантов два. Пулеметов РПД два, «Горюнова» один.

Быстро проговорив это, он смолк, будто соображая, что еще можно добавить к сказанному. Комбат напомнил:

– Боеприпасы?

– Боеприпасы? На винтовку по шестьдесят патронов, РПД – по три диска. У «Горюнова» две коробки лент. Правда, сегодня набивали еще. И в запасе одиннадцать цинок. Вот и все.

– Гранаты?

– Гранат не считал. У старшины нет. Только те, что на руках.

– Не больше чем по гранате, – вставил от входа старшина Грак. – Всего штук пятнадцать будет.

– Небогато, – сказал комбат. Положив на колени полевую сумку, он расстегнул ее и вытащил блокнот с карандашом. Самохин молчал, сминая в руках соломину. Комбат двинул бровью и перевел взгляд на лейтенанта Муратова.

– Командир восьмой.

Муратов передернул плечами, будто распрямляя их под ремнями, и, весь подобравшись, привстал на коленях. Встать по всей форме не позволял нависший над ним потолок.

– Восьмая рота имеется восемнадцать бойцов, тры сержанта, одын командыр роты. «Максим» одын, РПД одын. Патронов мало. Четыры обойма на одын винтовка. Два ленты, одын «максым». Гранат мало, дэсять штук.

Коротенький его доклад был окончен, и все помолчали, глядя, как комбат что-то помечает в блокноте. Дымный вонючий сумрак не позволял увидеть за метр. Старшина Грак, включив фонарик, посветил комбату.

– Спасибо, – сказал Волошин. – Что ж, маловато, товарищ лейтенант. И людей и боеприпасов. Беречь надо, Муратов.

– Как можно беречь, товарищ комбат? Я командую: короткими очэрэдь, короткими очэрэдь! Получается, много короткий очэрэдь – одын длинный очэрэдь. Расход болшой!

Все засмеялись.

– Тришкин кафтан, – серьезно сказал Самохин. – Как ни натягивай, если мало, все равно не будет хватать.

В общем, это было понятно без слов, и тем не менее восьмая в батальоне оказалась самой ослабленной. Частично, может быть, потому, что обычно наступала в середине боевого порядка батальона, беря на себя основной огонь противника. Но и командир – молодой, горячий, очень исполнительный лейтенант Муратов не очень все-таки заботился о том, чтобы сберечь бойцов, сам в бою лез в пекло, нередко подставляя себя и роту под самый губительный огонь. Вот и осталось восемнадцать человек. А две недели назад, помнил комбат, было около восьмидесяти.

Однако при всем том Муратов был на редкость честолюбивый и обидчивый командир. Комбат всегда упрекал его осторожно, намеками и теперь сказал:

– А я на восьмую надеялся. Больше других.

Муратов сразу же все понял, смуглое его лицо гневно вспыхнуло, он подался вперед, но тут же осекся и смолчал.

– Вот так! – заключил комбат. – Старший лейтенант Кизевич.

Кизевич отрешенно посмотрел в задымленный настил и махнул рукой:

– А, то же самое. Что докладывать!

– А именно?

– Ну что: тридцать три человека. Два «максима». Слезы, а не рота.

– Боеприпасы?

– Боеприпасы? – переспросил Кизевич и внимательно посмотрел в темный угол блиндажа, где безмолвно пригорюнилась Вера. – Наверно, патронов по пятьдесят будет.

– А если точнее?

Командир девятой снова посмотрел в перекрытие. По его исхудавшему лицу с упрятанными под брови маленькими глазками мелькнуло отражение какой-то мучительной мысли.

– Конкретно – по шестьдесят пять штук.

– А к трофейному кольту?

Остановив на комбате взгляд, старший лейтенант недоуменно сморгнул глазами:

– А что трофейный? Он так.

– Как это так?

– На повозке лежит. Что, я из него стрелять буду?

– Почему вы? У вас есть для того пулеметчик.

Кизевич, как видно, уклонялся от прямого ответа, и комбат, в упор уставясь в него, со значением постучал карандашом по сумке. Как всегда, прижимистый командир девятой старался обойти самые неприятные для себя моменты, так как, наверно, уже чувствовал, чем это ему угрожает. Комбат подумал, что надо, не откладывая, разоблачить этого ротного, однако доклады не были окончены, еще оставался Ярощук, и Волошин, вздохнув, кивнул в темный задымленный угол:

– Командир взвода ДШК.

– Взвод ДШК пока что хлипает. Трое раненых, а так все налицо. Два расчета, два пулемета. Одна повозка, две лошади.

– И все?

– Все.

– А патроны?

– Есть немного. Пока хватит, – заверил Ярощук, и Волошин с некоторым недоверием посмотрел на него. Наверно, в словах младшего лейтенанта было нечто такое, что заставляло усомниться в их достоверности, но взвод ДШК недавно вошел в батальон, Ярощук был «чужой» командир, подчиненный комбату только на время наступления, и Волошин, подумав, не стал к нему придираться.

Доклады были окончены, комбат подбил в блокноте небольшой итог, и боевые возможности батальона стали ему понятны до мелочей. Что и говорить, возможности эти оказались более чем скромными. Грак выключил фонарик, в блиндаже стало темнее. Провод, потрескивая, вонюче дымил в углу.

– Товарищи командиры. Судя по всему, завтра придется брать высоту. Приказа еще нет, но, я думаю, будет. Так что, не теряя времени, давайте готовиться к атаке.

В блиндаже все притихли. Самохин подчеркнутым жестом швырнул от себя соломину, Муратов напряженно вгляделся в комбата. Ярощук сгорбился, сжался и стал совсем неприметным в полумраке задымленного подземелья. Кизевич с удивленным видом вытянул из ворота полушубка свою тощую кадыкастую шею.

– Если дивизиона два поработают, может, и возьмем, – сказал он.

Комбату эти слова не очень понравились, и он нахмурился.

– Насчет двух дивизионов сомневаюсь. Боюсь, как бы дело не ограничилось одной батареей Иванова.

Кизевич удивленно хмыкнул.

– Иванова? Так она же сидит без снарядов. Утречком мой старшина ходил, говорит, сидят гаубичники, а промеж станин по одному ящику. Хоть стреляй, хоть на развод оставляй.

Волошин не перебивал его, выслушал со сдержанным вниманием и спокойно заметил:

– Снаряды подвезут. А вы обеспечьте людей гранатами. Понадобятся. Старшина Грак!

На пороге встрепенулась темная фигура Грака.

– Я вас слушаю.

– У вас был ящик с КС. Разделите его между ротами.

– Есть!

– А у вас, старший лейтенант Кизевич, трофейный кольт, значит, на повозке?

– На повозке. А что?

– Передайте его Муратову. Он найдет ему лучшее применение.

Кизевич болезненно напряг свое узкое с горбинкой на носу лицо.

– Это за какие заслуги?

– Так надо.

– Надо! Надо было свои беречь. А то свои поразгрохали, а теперь на чужие зарятся.

– Я у вас ничего не прошу! – вспыхнул Муратов.

– Ну и нечего тогда говорить. А то кольт, кольт...

Командир батальона спокойно выслушал короткую перепалку ротных, которая, впрочем, была здесь не впервые. Хозяйственный Кизевич не любил делиться чем-либо с соседом, хотя иногда и вынужден был делать это, потому что и у него случались прорехи, когда требовалась помощь хотя бы того же лейтенанта Муратова. Отчасти он был в этом прав, так как не в пример многим умел беречь и людей и имущество. Однако комбат теперь видел потребность усилить восьмую хотя бы за счет девятой. Сделав вид, что ничего необычного не произошло, он сказал ровным голосом:

– Патроны отдайте тоже. Сотни три их должно у вас быть. А чтобы Муратов не искал у себя пулеметчика, передайте и его. Сипак, кажется, его фамилия?

– Какой Сипак! Сипак на прошлой неделе убит. Новый пулеметчик.

Комбат смолк, почувствовав болезненную неловкость от этого известия, – Сипака он помнил давно, еще с формировки, и вот, оказывается, его уже нет. Совсем некстати припомнился ему этот боец, все-таки комбат должен был знать, что он погиб. Каждая такая потеря тяжелым камнем ложилась на его душу, и нужно было усилие, чтобы выдержать этот груз. После недолгой паузы комбат приказал с прежней твердостью:

– Передайте нового.

– Едрит твои лапти! Еще и нового! Что у меня, запасной полк, что ли? – развел руками Кизевич. Комбат никак не отреагировал и на это, смолчал, давая понять, что вопрос решен окончательно. Кизевич, однако, разошелся не на шутку:

– Как только что, все у девятой. Кольт! Может, на кольт у меня главный расчет был. Я уже из него все ориентиры пристрелял. А теперь получается: отдай жену дяде...

– И правильно. Чтоб не хитрил, – тихо вставил Самохин.

– Ага! А ты не хитришь? Честный какой!

– Не в том дело, – несколько другим тоном сказал Самохин. – Что там кольт! Ты вот лучше спроси, какого рожна мы эту высоту вчера не атаковали? Зачем столько волынили? Ждали, пока немцы окопаются?

Кизевич повернул к комбату мрачное, расстроенное лицо. Все, кто был в блиндаже, тоже насторожились, ожидая ответа на вопрос, который теперь тревожил их всех, но Волошин и сам не находил на него ответа и, чтобы не лгать, решил отмолчаться, что, однако, не успокоило ротных.

– Теперь поползаешь туда-сюда, – в сердцах бросил Самохин.

– Вон уже два дзота отгрохали, – пробубнил Кизевич. – Натанцуешься перед ними.

Это уже было слишком. Такие разговоры выходили за рамки дозволенного, и комбат сказал с твердостью:

– Ну хватит! Приказ есть приказ. Мы обязаны его выполнять. Личные соображения можете оставить при себе.

Все разом примолкли, стало тихо, и в этой тиши он вынул из кармана часы. Было без четверти одиннадцать.

– Так, все! – объявил он. – Давайте готовиться. Приказ отдам дополнительно.

Глава пятая

В траншее на выходе из блиндажа комбат едва не столкнулся с Гутманом. Запыхавшись, ординарец сообщил, что в батальон пришло пополнение.

– Много?

– Девяносто два человека.

– Ого!..

Это было побольше, чем сегодня находилось у него в строю. Батальон увеличивался вдвое, почти вдвое возрастала его огневая сила, и увеличивались его шансы на удачу в завтрашней атаке. Все это должно бы радовать, и тем не менее комбат не обрадовался, что-то мешало его безупречной радости.

Впрочем, он уже знал что.

Они вышли в конец траншейки, которая тут, постепенно мелея, сходила на нет. Самохин остановился сзади, и комбат сказал на прощание:

– Пошлите старшину за людьми. И передайте Муратову с Кизевичем.

– Есть!

Комбат хотел было идти, но помедлил – в полумраке траншеи как-то очень уж по-сиротски смиренно ссутулилась фигура Самохина, теперь немногословного, заметно приунывшего, и – чувствовал Волошин – вряд ли только от забот о предстоящей атаке. Он, конечно, догадывался о причинах переживаний ротного и оттого помедлил с уходом, хотя эти его переживания были сугубо личными и, согласно армейскому обычаю, чужому состраданию не подлежали.

– Возвратятся разведчики – сразу на КП! – сохраняя привычный деловой тон, приказал комбат.

– Ясно!

Вдвоем с Гутманом они быстро пошли по склону вверх. В поле было темно и морозно-ветрено. Высота мрачным горбом по-прежнему молчаливо дремала в ночной темноте на краю неба. Волошин на секунду остановился, послушал – теперь где-то там ползли его разведчики, и коротенькая тревога за их судьбу привычно шевельнулась в сознании комбата. В том, что он послал их, была маленькая хитрость, своего рода местная рационализация, к которой нередко приходилось прибегать на войне и от которой, случалось, зависело многое. Конечно, тут не обходилось без риска, но всякий раз думалось, авось как-либо обойдется, ребята опытные, сделают свое дело и благополучно вернутся. Он очень надеялся на этих ребят.

Гутман, наверное, знал какой-то другой путь на КП – без кустарника и воронок – и уверенно вел его в темноте. Вскоре они порядочно-таки отдалились от рубежа седьмой роты, сторожкая напряженность уменьшилась. Все-таки какой там ни тыл в полукилометре от ротной цепи, а на душе становилось спокойнее. Мысли комбата перешли на другое, и только он хотел спросить Гутмана, как ординарец, будто угадав вопрос, обернулся и заговорил сам:

– Все кумекают там. В штабе. Насчет высоты этой.

– Да? Ну и что?

– А! Послушал, так смешно стало. Батальон, батарея, взаимодействие! И никому невдомек, что батальон этот – одна рота.

– Да? – сдержанно переспросил Волошин. – Что же ты не доложил им?

Гутман едва заметно передернул плечом:

– А что я? Мое дело маленькое.

Он помолчал недолго, потом на ходу поддернул плечом ремень автомата.

– Знаете, не с того конца они начинают. Сперва надо бы совхоз взять. Тогда немчура с высоты сама деру даст.

– Ты думаешь?

– А что ж, скажете, нет?

Нет, комбат не мог сказать «нет». На этот счет ординарец безусловно был прав.

– Собрать все три батальона да ударить по совхозу. А то растянули полк на четыре километра и тыркаются.

– Тебе только начальником штаба быть. Полка или даже дивизии, – с припрятанной иронией заметил комбат. Гутмана, однако, это ничуть не смутило.

– А что ж! Ну и справлюсь. Конечно, академий я не кончал, но голову имею. Скажите, этого мало?

Волошин ответил не сразу, всерьез возражать на такой аргумент не имело смысла.

– Вообще, ты прав. Этого не мало. К сожалению, не всегда голова решает.

Ординарец с запалом намерился что-то сказать, но, видно, одернул себя и неопределенно махнул рукой:

– А, что говорить!

И уже другим, успокоенным тоном сообщил:

– Привязал Джима ремнем к столу. Сидит. За пять шагов никого не подпускает. Пусть! Еще наплачутся с ним.

– С ним что плакать? Как бы мы без него не заплакали.

В траншее на КП было полно людей, все молча стояли группами, подняв воротники и отвернувшись от холодного ветра. Стояли и сидели также у входа в землянку, кое-где слышались приглушенные реплики на непонятном азиатском языке. Гутман легко соскочил с бруствера, за ним соскочил комбат, они протиснулись между безразличных к ним, незнакомых бойцов и пролезли в землянку.

Тут тоже было тесно, несколько фигур в шинелях загораживали скупой свет фонаря, у которого склонился Маркин – переписывал пополнение. Заслышав шаги комбата, начштаба поднял голову и выразительно, со смыслом вздохнул.

– Что из полка? – спросил Волошин.

– В шесть тридцать атака.

– Патроны у пополнения есть?

– Патроны-то есть, – как-то загадочно проговорил Маркин. – Да что толку.

– А что такое?

– Что? – Лейтенант многозначительно кивнул в сторону бойцов. Человек пять их в мешковатых шинелях и касках, насунутых на зимние шапки, молча стояли перед ним с терпеливой покорностью на широких остуженных лицах. – По-русски ни бельмеса. Вот что.

Это было похуже. Это было совсем даже плохо, если иметь в виду, что планировалось поутру и сколько времени оставалось до этого утра.

Комбат с озабоченным интересом посмотрел на бойцов, и ему стало не по себе от одного только их внешнего вида. Не обмятые в носке шинели, обвислые, с брезентовыми подсумками ремни, озябшие руки в трехпалых больших рукавицах, которые как-то неумело и бессильно держали обшарпанные ложи винтовок, сгорбленные от тощих вещмешков фигуры. По-русски они в самом деле понимали не много – Маркин задавал вопрос, а низенький, с припухшим лицом красноармеец переводил, и очередной боец уныло отвечал глухим голосом.

– Замучился совсем, – сказал Маркин и почти закричал со злостью: – Место рождения? Область?

Волошин наблюдал за всем этим и думал, что выпестованный его заботами, сколоченный за долгие недели формировки его батальон, наверное, на том и кончится. Как он ни ста-

рался сберечь личный состав, роты все-таки таяли, росло число новичков, неизвестных ему бойцов, и все меньше оставалось закаленных ветеранов, и с ними по крупицам убывала его боевая сила и его командирская уверенность. Это почти пугало. Он уловил в себе это непривычное для него ощущение еще там, в траншее, когда пробирался сюда среди них – истомленных ожиданием и неизвестностью, подавленных опасной близостью передовой, безразличных ко всему. Комбата охватило недоброе чувство раздраженности, какая-то злая сила подбивала на резкое слово, окрик, какой-то решительный поступок, в котором бы нашло выход это чувство. Но такой поступок сейчас – знал он – был бесполезен, надо было, сжав зубы, неторопливо и ровно делать свое обычное дело: готовить батальон к бою.

– Много еще писать?

– Заканчиваю, – сказал Маркин.

Комбат резко обернулся к ординарцу:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.